

Гу Чжэнь кивнул в знак согласия — блюда были слишком вкусными, и он не хотел тратить время на разговоры. Однако аппетит его был невелик: когда голоден, кажется, что можешь съесть быка, но на деле, попробовав каждое блюдо по чуть-чуть, он уже почти наелся. Хэ Сюйлян ел ещё меньше, съев только тот шарик, который ему положил Гу Чжэнь, и почти не притронулся к палочкам.

Гу Чжэнь с болью в сердце смотрел на гору остатков еды и умоляюще посмотрел на Хэ Сюйляна:

— Почему ты так мало ешь? Ты не голоден?

Хэ Сюйлян не посмотрел на него, а просто равнодушно бросил:

— Сыт.

Гу Чжэнь:

—...

Главный герой есть главный герой. Будучи Великим генералом-демоном, он, вероятно, питается эссенцией неба и земли, собирая ци солнца и луны.

Гу Чжэнь снова отрыгнул и пробормотал:

— Ладно, на улице холодно, еда не испортится. Вечером разогреем и поедим ещё раз.

Хэ Сюйлян тогда заметил:

— Милорд может раздать остатки слугам.

Гу Чжэнь нахмурился:

— Я уже из этих тарелок ел, как можно отдавать объедки другим?

Хэ Сюйлян посмотрел на него и спросил:

— Милорд когда-нибудь видел, что едят слуги в этом доме?

Гу Чжэнь посмотрел на Хэ Сюйляна и почувствовал внезапную вину. Судя по натуре прежнего Гу Чжэня, слуги у него ходили в лохмотья, и о какой хорошей еде там могла идти речь? Он почесал затылок:

— Ладно... Жаль, что я сам сразу не отложил немного, а то всё перепутал.

Гу Чжэнь вздохнул, глядя на блюда в тарелках, потерявшие всякую эстетику.

Хэ Сюйлян тоже смотрел на него, и в его взгляде вдруг промелькнули мягкие нотки.

Гу Чжэнь хлопнул в ладоши, позвал Чан Сянлянь и, махнув рукой, приказал:

— Я поел. Остальное разнеси слугам, пусть едят.

Услышав это, Чан Сянлянь замерла на месте. Сначала она посмотрела на Гу Чжэня, затем перевела взгляд на Хэ Сюйляна рядом с ним, словно не веря своим ушам, и повторила:

— Милорд... сказал, что отдать это домашним... слугам?

Гу Чжэнь ответил:

— Да, ещё горячее, пусть едят пока тепло. И впредь не готовьте так много. Я здесь одинокий человек, мне некому составить компанию, а еда пропадает зря. Каждая пядь земли в Цзяньюне на вес золота, и выращенное зерно нельзя растрчивать. Поняла?

Чан Сянлянь уставилась на лицо Гу Чжэня, рот её открывался и закрывался, и лишь спустя долгое время она поклонилась:

— Милорд печётся о народе, это truly счастье для Цзяньюня. Сянлянь выражает глубокое почтение.

Гу Чжэнь с головной болью махнул рукой:

— Ладно-ладно, меньше таких слов в будущем, я не хочу это слышать. Позови кого-нибудь убрать и ступай. И не забудь про леденцы и семечки, о которых я говорил. Ещё купи фонари и сахарные фигурки, что любят дети. Я собираюсь двадцать третьего числа привезти императора в особняк, чтобы вместе отпраздновать, подготовь побольше.

Чан Сянлянь затараторила в ответ, но Хэ Сюйлян сзади слегка нахмурился.

После того как Чан Сянлянь вышла, Гу Чжэнь обмяк и, облокотившись на стол, тяжело вздохнул. Он положил голову на руки и, повернувшись к Хэ Сюйляну, с блеском в глазах сказал:

— С тобой мне всё-таки комфортнее.

Хэ Сюйлян на мгновение застыл, затем отвернулся, прикрыв рот кулаком и слегка покашляв, а кончики его ушей покраснели.

И Гу Чжэнь, и 007 были людьми неотёсанными, поэтому они никак не могли понять значение этих маленьких жестов Хэ Сюйляна. Наевшись, этот парень-свинья уже клевал носом, но всё ещё помнил о том, что Хэ Сюйлян хотел обсудить, и спросил:

— О чём ты хотел сказать после еды?

Хэ Сюйлян достал из внутреннего кармана фарфоровый флакончик:

— Нанести мазь милорду.

Гу Чжэнь немного опешил. Это была мазь от ран на спине, полученных в Цюнсяне. На самом деле, за прошедшее время почти всё зажило, остались только шрамы. Гу Чжэнь нахмурился:

— Не надо мазать, я уже здоров.

Хэ Сюйлян спокойно произнёс:

— Мази осталось совсем немного.

Подразумевалось: раз осталось немного, не выбрасывай.

Гу Чжэнь скривился. На обратном пути из Цюнсяна эту мазь ему всегда наносил Хэ Сюйлян.

На самом деле, Гу Чжэнь хотел, чтобы ему помог Е Жань, но стоило ему позвать его одного, как взгляд Си Юэ мог прожечь в нём две дыры. Гу Чжэню ничего не оставалось, как просить Хэ Сюйляна — Си Юэ с Е Жанем, казалось, относились к этому спокойнее.

Просто не знаешь, за что хватиться, чтобы подколоть.

Но нельзя не признать: главный герой есть главный герой. Он владел восемнадцатью видами боевых искусств, и даже массаж с нанесением мази ему был нипочём. Сила и техника говорили сами за себя — словно настоящий старый мастер из салона массажа для слепых. Гу Чжэнь вспомнил с легкой ностальгией, как Хэ Сюйлян делал ему массаж спины, и кивнул:

— Ладно, в последний раз, и больше не надо, я правда здоров.

Хэ Сюйлян сжал флакон в руке и слегка кивнул.

Это тело Гу Чжэня из-за прежнего чрезмерного разврата и воздействия всяких странных лекарств было бледным и дряблым, совершенно не похожим на тело двадцатилетнего мужчины. Но за эти два с лишним месяца Гу Чжэнь немного привёл его в порядок: мясо там где надо немногоросло, кожа стала упругой. Однако, поскольку он всё время был укутан в шёлк и меха и не видел солнца, он совсем не загорел. Вся спина, за исключением шрамов, оставшихся после тех ран, где мясо было содрано кусками, стала довольно крепкой и сильной, а на свету белая кожа буквально слепила глаза.

Гу Чжэнь послушно лёг на кровать, веки его слипались, и он спросил:

— Могу я задать тебе вопрос?

Хэ Сюйлян отозвался:

— Угу.

Гу Чжэнь вздохнул:

— Си Юэ и Е Жань правда меня очень ненавидят?

Хэ Сюйлян снова равнодушно промычал:

— Угу.

— Что я могу сделать, чтобы компенсировать им? Не прошу прощения, просто хочу, чтобы они не везде мне противоречили. Цзяньюню нужно слишком много талантов, я хочу, чтобы они тоже служили стране. Эх, что ещё я могу сделать...

Хэ Сюйлян вылил мазь на ладонь, широкой сильной рукой приложил её к спине Гу Чжэня и начал медленно растирать круговыми движениями:

— Просто следуй зову своего сердца.

Гу Чжэнь сонно отозвался "ага" и больше не издал ни звука. Хэ Сюйлян обнаружил, что он без страха уснул.

Мазь быстро впиталась, и неширокая спина Гу Чжэня мерцала остаточным блеском. Рука Хэ Сюйляна почему-то не хотела уходить, вместо этого она медленно скользнула к пояснице Гу Чжэня, обняла его. Он медленно наклонился, чуть-чуть навалившись на Гу Чжэня, как

представитель псовых, тихо вдохнул запах его шеи, закрыл глаза, прислонил лоб к затылку Гу Чжэня и замер на мгновение, потом медленно поднялся, заново укрыл Гу Чжэня одеялом и большими шагами направился к выходу.

Открыв дверь, он внезапно столкнулся с Чан Сянлянь, державшей курильницу. Лицо Хэ Сюйляна было обычным, а вот Чан Сянлянь выглядела смущённой и поклонилась:

— Генерал Хэ...

Хэ Сюйлян не проявил никакой особой реакции, просто уставился на курильницу в её руках и твёрдо заявил:

— Трава-двойчатка.

Чан Сянлянь ответила:

— Да. Только что милорд сказал, что хочет спать, поэтому Сянлянь специально принесла немного, чтобы помочь ему уснуть.

Хэ Сюйлян кивнул, но тут же выхватил маленькую курильницу из рук Чан Сянлянь, слегка усилив внутреннюю энергию. Курильница вместе с находящейся внутри травой-двойчаткой мгновенно и бесшумно обратилась в порошок. Между ними внезапно распространился странный, трудноописуемый запах. Чан Сянлянь невольно выругалась:

— Хэ, ты, пёс...

Золотистый цвет в глазах Хэ Сюйля стал ещё глубже. Чан Сянлянь, находясь под его взглядом, ощутила, как по её телу пробежали мурашки, и слова застряли в горле. Она лишь услышала, как Хэ Сюйлян произнёс:

— Не позволяйте ему больше прикасаться к таким вещам.

Чан Сянлянь, понизив голос, зло прошептала:

— Ты кто такой? Перед милордом ты всего лишь собака. Думаешь, раз ты генерал, то что-то из себя представляешь? До тебя ли дела милорда?

Хэ Сюйлян даже не взглянул на Чан Сянлянь, просто опустив голову, почтительно поклонился:

— Благодарю вас, госпожа Сянлянь.

Эта смена гнева на милость привела Чан Сянлянь в замешательство. Что случилось после поездки в Цюньсян? Не только милорд стал странным, но даже эта собака изменилась?

В этот момент сзади к ним подбежал слуга и что-то прошептал Чан Сянлянь на ухо. Та тут же нахмурила брови:

— Зачем она сюда пришла?

Едва она это сказала, как снаружи раздался тонкий голос евнуха, возвещающего:

— Прибыла наложница Си!

Хэ Сюйлян взмахнул рукой, и дверь Павильона Люйюань с грохотом захлопнулась.

Все присутствующие склонились в поклоне и заговорили:

— Да здравствует наложница Си, тысяча лет, десять тысяч лет!

<http://bllate.org/book/16782/1543579>